

Некоторые текстовые аспекты лингвосинергетики

Общенаучное синергетическое обоснование могут получать различные идеи общей теории текста, его лексического структурирования, включая концепции интра- и интертекстуальности, прецедентных текстов. Для сложных социальных систем, находящихся в состоянии неустойчивого равновесия, условием поддержания их организации является периодичность процессов ускорения и замедления в развитии, возможность попятного движения во времени, частичного возврата к старому, к культурным и историческим традициям. Прецедентные тексты с их языковыми маркерами становятся средством возвращения к вехам культуры, ее образцам, способом удержания культурных констант, своеобразным ориентиром среди флуктуирующего хаоса ценностей. Эти точки опоры организуют самосознание и речемыслительную деятельность текстового субъекта (автора, повествователя, персонажа, рассказчика) и содержательную структуру текста в целом.

Понятие хаоса, одно из ключевых в синергетике, характеризуется как разрушительными, так и креативными возможностями, выводящими систему (включая социальную, творящую язык и текст) на новый уровень самоорганизации. Первое наблюдается в текстовом воплощении активных языковых процессов современного русского языка, второе — в преодолении штампов тоталитарного дискурса, низведшего сложную систему на более низкий уровень ее функционирования. В некоторых случаях хаос (и его аналог — абсурд) проявляет свое позитивное назначение в отсутствии активных действий, усиливающих энтропию, иногда, напротив, в смещении ценностей и норм порочной системы, их дискредитации. Идея абсурда, карнавализации, смеха, логика оборотничества отчетливо выступают в лексической структуре текста С. Довлатова и отмечаются литературоведами. Абсурд представлен как благо и концептуализируется с опорой на гештальты «лекарство», «разрушитель», «при-

миритель», «уравнитель». Хаос (абсурд) выводит систему (социальную, включая коммуникативную) на поиск новых путей самоорганизации с учетом собственных структур-аттракторов. Смех «оглушает», «вскрывает», «разоблачает», «обнажает». Он как бы возвращает миру его изначальную хаотичность (Д. С. Лихачев), «обещает» новую космологию (В. Марков), делает представимыми возможные миры с иной системой ценностей. Схоластика языка как фактор его эволюции и способ существования этой сложной системы проявляется в тексте в фактах прорыва подсознания, бессознательных процессов в вербальную сферу, в разного рода оговорках, описках, вызывающих рефлексию, определенную текстовую интерпретацию. В лексической структуре текста разрабатывается тема способности проведения сложной системы, какой является разум, психика человека, на прежние уровни своего развития, тема «спуска в основания», проявления коллективного бессознательного, которое всегда инфантильно, возвращения к архетипам. Измененное состояние сознания, не лишенное творческих потенций, может объективироваться в метафорическом строе текста, демонстрирующем гармонизацию личности в ее приобщении к искусству. Со схолистикой правополушарного мышления связывается и интуиция как выход сложной системы на новый уровень самоорганизации, «прозрения», основанного на разбуженных интенциях. Лексическая структура текстов обнаруживает и такое качество языка, обусловленного мифологической основой первобытного мышления, его синкретизмом, огромную роль интуитивного начала, лежащими в истоках языка, как прогностическая функция в создании семантики возможных миров, текстовой картины мира, потенцирование в слове информации, осознанной, открытой носителями языка значительно позже или обращенной к миру виртуальной реальности.

С позиций синергетики может быть осмыслено и хорошо известное явление языковой игры. «Игровая синергетика» рассматривается как один из способов экспериментирования с реальностью, а синергетически мыслящий че-

ловек — как человек играющий, не навязывающий рецепты нелинейным ситуациям (например, коммуникации), а позволяющий сделать себя творимым (Синергетика и психология. СПб., 1997), открытый воздействию другого, способный «строить себя от другого». Ср. мысли М. Бахтина о диалогичности общения, «другости», о законах построения диалога открытого типа, никогда не кончающегося в контексте культуры, или меткое замечание Тимофеева-Ресовского о том, что ни одно великое дело не делалось «со звериной серьезностью». Открытость к диалогу, к коммуникативному сотрудничеству как путь самоорганизации психической, духовной, ментальной сферы субъекта обнаруживается в лексической структуре текстов в разработке «культурных тем» (термин Ю. С. Степанова). В способах языковой игры, рождающей новые ментальные пространства, меняющей угол зрения на факты, обнаруживает себя такое явление синергетики, как малые резонансные воздействия, согласованные с внутренними свойствами системы, выводящие ее на новый режим функционирования, рождающие новации в структуре личности, новое понимание и, как следствие, поведение.

Среди метафор, «которыми мы живем» (и это в первую очередь относится к лингвистам), значительное место занимают визуальные образы, навеянные синергетикой: ментальные пространства (ландшафты), крест реальности с его составляющими вчера — сегодня — завтра по вертикали и внешнее — внутреннее по горизонтали, ситуация здесь и теперь как точка отсчета, самосознания, картины «сгущения» и «разрежения» культурных инноваций (в характеристике перехода элементов среды в языковые проявления) и др. Метафора как синкрета, свернутый миф оказывается в основе процессов концептуализации, упорядочения (идея порядка из хаоса) новой информации на пути от эмпирической к рациональной ступени познания.